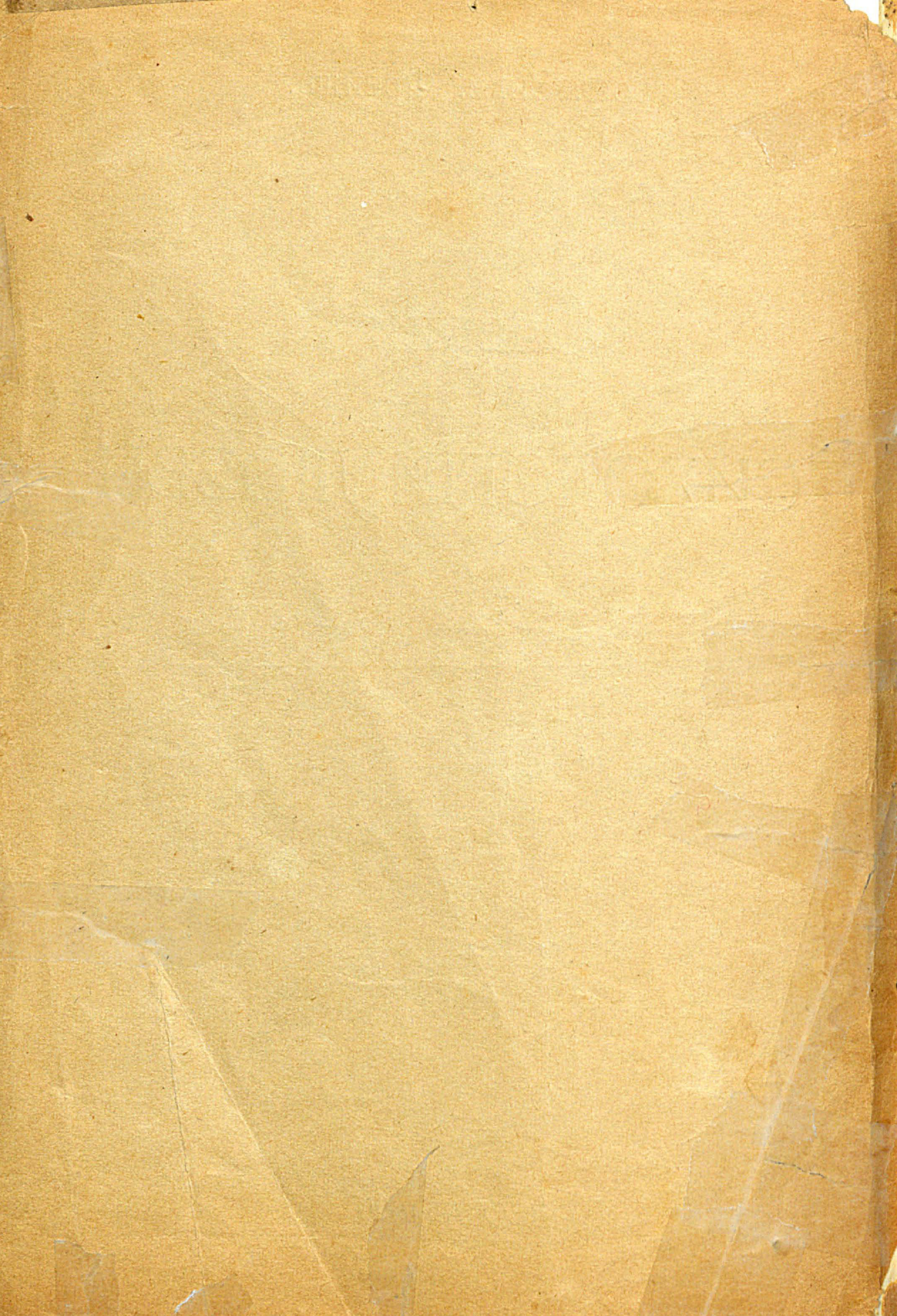
Проф. Зигм. Фрейдъ.

Очерки
ПСИХОЛОГІИ ЛЮБВИ

ОДЕССА, 1920.

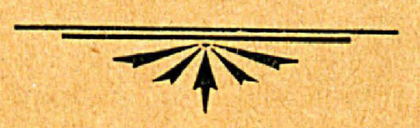
Проф. ЗИГМ. ФРЕЙДЪ.

Очерки
Психологіи любви

двѣ статьи

Переводъ съ нѣмецкаго

Д-ра М. В. ВУЛЬФА.

Одесса — 1920

Одесса, Типографія П. И. Бемъ, Дерибасовская 13.

I.

ОБЪ ОСОБОМЪ ТИПѢ «ВЫБОРА ОБЪЕКТА» У МУЖЧИНЫ.*)

До настоящаго времени мы предоставляли поэтамъ изображать тѣ «условія любви», при которыхъ люди совершаютъ свой «выборъ объекта», и какъ они согласуютъ требованія своей фантазіи съ дѣйствительностью. Поэты, въ самомъ дѣлѣ, обладаютъ нѣкоторыми свойствами, благодаря которымъ они способны разрѣшить эту задачу. Отличаясь особенно тонкой чувствительностью къ воспріятію сокровенныхъ душевныхъ желаній другихъ людей, они въ то же время обладаютъ достаточнымъ мужествомъ, чтобъ сдѣлать свое собственное безсознательное достояніемъ гласности. Но цѣнность познанія, заключающагося въ ихъ описаніяхъ понижается благодаря одному обстоятельству. Поэты связаны съ условіями, имѣющими цѣлью интеллектуальное и эстетическое удовольствіе и опредѣленныя чувственныя воздѣйствія; они не могутъ поэтому изображать матеріалъ дѣйствительности неизмѣненнымъ, а должны изолировать отдѣльныя его части, разрывать мѣшающія связи, смягчать цѣлое и дополнять недостающее. Это составляетъ преимущество, такъ называемой, «поэтической вольности». Они могутъ также проявлять лишь весьма мало интереса къ происхожденію и развитію подобныхъ душевныхъ состояній, описывая ихъ уже въ готовомъ видѣ. Является поэтому необходимость, чтобъ наука, болѣе грубыми руками и меньше преслѣдуя цѣли удовольствія, занялась тѣми же матеріями, поэтической обработкой которыхъ люди испоконъ вѣка наслаждались. Эти замѣчанія должны послужить доказательствомъ необходимости строгой научной обработки также и вопросовъ

---

*) Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschung Bd II.

любовной жизни человѣка. Наука именно является самымъ совершеннымъ отказомъ отъ «принциповъ наслажденія», какой только возможенъ для нашей психической дѣятельности.*)

Во время психоаналитическаго леченія врачъ имѣетъ въ достаточной мѣрѣ возможность получать впечатлѣнія изъ области любовной жизни невротиковъ. Впечатлѣнія эти часто говорятъ, что подобное же поведеніе въ этой сферѣ можно наблюдать у средняго здороваго человѣка или даже у выдающихся людей. Вслѣдствіе счастливой случайности въ подборѣ матеріала, благодаря накопленію сходныхъ впечатлѣній вырисовываются опредѣленные отдѣльные типы въ этой области. Одинъ такой типъ выбора объекта у мужчины я хочу здѣсь раньше всего описать, потому что онъ отличается рядомъ «условій любви», сочетаніе которыхъ непонятно, собственно говоря, даже странно, и потому что онъ допускаетъ простое психологическое объясненіе.

1. Первое изъ этихъ «условій любви» можно назвать прямо специфическимъ: какъ только оно находится, слѣдуетъ уже искать и другіе отличительные признаки этого типа. Его можно назвать условіемъ *«пострадавшаго третьяго»*. Содержаніе его состоитъ въ томъ, что лица, о которыхъ идетъ рѣчь никогда не избираютъ объектомъ своей любви еще свободную женщину, а обязательно такую, на которую можетъ предъявить права другой мужчина въ качествѣ супруга, же-

---

*) Примѣчаніе: По Фрейду вся психическая дѣятельность человѣка руководствуется двумя главными основными принципами: — Lustprincip, принципомъ наслажденія, удовольствія, стремящимся исключительно къ непосредственному достиженію удовольствія, наслажденія (Lust)—и Realitätsprincip, принципомъ реальности — преслѣдующимъ цѣли приспособленія къ условіямъ и требованіямъ реальности. Понятно, что и Realitätsprincip, считаясь съ реальностью, въ конечномъ результатѣ также стремится къ тому, чтобъ избѣгать страданій, неудовольствія, непріятнаго (Unlust) и къ достиженію пріятнаго, наслажденія, удовольствія (Lust), но не непосредственно, а путемъ компромиса, если этого требуютъ обстоятельства дѣйствительности, путемъ уступокъ требованіямъ разума и условіямъ реальности. Смотри: „Ueber die Zwei Principien des psychischen Geschehens“ въ Jahrbuch für psychoanalitische und psychopathologische Forschung Bd. III, Hälfte I. Прим. переводчика.

ниха или друга. Это условіе оказывается въ нѣкоторыхъ случаяхъ на столько роковымъ, что на женщину можетъ сначала не быть обращено никакого вниманія или она даже можетъ быть отвергнута пока она никому не принадлежитъ; но та же женщина становится немедленно объектомъ влюбленности, какъ только она вступаетъ въ одно изъ указанныхъ отношеній къ какому-либо другому мужчинѣ

2. Второе условіе, быть можетъ и менѣе постоянное, столь же странно. Типъ становится вполнѣ законченнымъ лишь благодаря сочетанію этого условія съ первымъ, между тѣмъ какъ первое и само по себѣ, кажется, встрѣчается очень часто. Второе условіе состоитъ въ томъ, что непорочная, стоящая внѣ всякихъ подозрѣній, женщина никогда не обладаетъ достаточной привлекательностью, чтобъ стать объектомъ любви, а только такая, которая въ половомъ отношеніи такъ или иначе внушаетъ подозрѣніе и вѣрность и стойкость которой подвержены сомнѣнію. Эта послѣдняя особенность можетъ образовать цѣлый рядъ переходовъ, начиная съ легкой тѣни на репутаціи замужней женщины, которая не прочь пофлиртовать, до открытаго полигамическаго образа жизни кокотки или жрицы любви. Но отъ чего нибудь въ этомъ родѣ представитель нашего типа отказаться не можетъ. Это условіе, съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ, можно назвать *«людовью къ проституткѣ»*.

Подобно тому какъ первое условіе даетъ удовлетвореніе агональнымъ, враждебнымъ чувствамъ по отношенію къ мужчинѣ, у котораго отнимаютъ любимую женщину, такъ и второе условіе — причастность женщины къ проституціи — находится въ связи съ необходимостью испытывать чувство *ревности*, которое очевидно является потребностью любовниковъ этого типа. Только тогда, когда они могутъ ревновать, страсть достигаетъ наибольшей силы, женщина пріобрѣтаетъ свою настоящую цѣнность и они никогда не упускаютъ повода, дающаго имъ возможность испытать это наиболѣе сильное ощущеніе. Удивительно то, что ревность направляется не противъ законнаго обладателя возлюбленной, а противъ вновь появляющихся чужихъ, въ близости къ которымъ возлюбленной

можетъ возникнуть подозрѣніе. Въ рѣзко выраженныхъ случаяхъ любящій не проявляетъ желанія быть единственнымъ обладателемъ женщины и, повидимому, чувствуетъ себя въ этомъ «тройственномъ союзѣ» очень хорошо. Одинъ изъ моихъ паціентовъ, который страшно страдалъ изъ-за увлеченій «на сторонѣ» своей дамы, ничего однако не имѣлъ противъ ея замужества и содѣйствовалъ послѣднему всѣми силами; по отношенію къ мужу онъ послѣ, въ теченіе многихъ лѣтъ, не проявлялъ и слѣда ревности. Другой типичный случай былъ, правда, въ своихъ первыхъ любовныхъ отношеніяхъ очень ревнивъ по отношенію къ мужу и заставилъ свою даму отказаться отъ супружескихъ отношеній съ нимъ, но въ многочисленныхъ болѣе позднихъ связяхъ онъ держалъ себя такъ же, какъ другіе и не находилъ, что законный супругъ мѣшаетъ.

Слѣдующіе пункты рисуютъ не условія, предъявляемыя къ объекту любви, а отношенія любящаго къ объекту своей любви.

3. Въ нормальной любовной жизни цѣнность женщины опредѣляется ея нетронутостью и понижается съ приближеніемъ къ разряду проститутки. Страннымъ отклоненіемъ отъ нормальнаго кажется поэтому то обстоятельство, что влюбленные нашего типа относятся къ женщинамъ именно этого разряда, какъ къ *наиболѣе цѣннымъ объектамъ любви*. Любовнымъ связямъ съ этими женщинами они отдаются всѣми силами души своей, со страстью, поглащающей всѣ другіе интересы въ жизни. Это единственныя особы, которыхъ можно любить и всякій разъ опять повторяется требованіе отъ самаго себя неизмѣнной вѣрности, какъ бы часто въ дѣйствительности она ни нарушалась. Въ этихъ чертахъ описываемыхъ любовныхъ отношеній чрезвычайно ясно выражается *навязчивый* характеръ этихъ отношеній, свойственный въ извѣстной степени всякой влюбленности. Не слѣдуетъ, однако, на основаніи этой вѣрности и силы привязанности полагать, что одна единственная такая любовная связь заполняетъ всю жизнь такихъ людей или случается только одинъ разъ въ продолженіе ея. Напротивъ, страстныя увлеченія такого рода повторяются съ тѣми же особенностями — одна точная копія

предыдущей — много разъ въ жизни лицъ, относящихся къ такому типу. Больше того, въ зависимости отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, напримѣръ, перемѣны мѣста жительства и среды, любовные объекты могутъ такъ часто смѣняться одинъ другимъ, что образуется *длинный рядъ* ихъ.

4. Болѣе всего поражаетъ наблюдателя проявляющаяся у любовниковъ такого типа тенденція *спасать* возлюбленную. Мужчина убѣжденъ, что возлюбленная нуждается въ немъ, что безъ него она можетъ потерять всякую нравственную опору и быстро опуститься до жалкаго уровня. Онъ спасаетъ ее тѣмъ, что не оставляетъ ее. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ намѣреніе спасти можетъ быть оправдано ссылкой на половую неустойчивость и сомнительное общественное положеніе возлюбленной; но оно проявляется не менѣе ясно и тамъ, гдѣ ссылка на дѣйствительность не можетъ имѣть мѣсто. Одинъ изъ принадлежащихъ къ описываемому типу мужчинъ, умѣвшій завоевывать своихъ дамъ чрезвычайно искусными соблазнами и находчивой діалектикой, не жалѣлъ затѣмъ въ своихъ любовныхъ связяхъ никакихъ усилій, чтобы при помощи имъ самимъ сочиненныхъ трактатовъ удержать очередную любовницу на пути «добродѣтели».

Если бросить взглядъ на отдѣльныя черты нарисованной здѣсь картины, на условія несвободы и принадлежности возлюбленной къ проституціи, на высокую ея оцѣнку, на потребность въ ревности, на вѣрность, которая однако сочетается съ расчлененіемъ на цѣлый рядъ, и на намѣреніе спасать, то кажется мало вѣроятнымъ, чтобъ всѣ эти особенности могли произойти изъ одного источника. И все же при психоаналитическомъ углубленіи въ исторію жизни лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь, легко таковой открыть. Этотъ столь своеобразно предопредѣленный выборъ объекта любви и такія странныя любовныя отношенія имѣютъ то же психическое происхожденіе, что и любовная жизнь нормальнаго: они происходятъ отъ дѣтской фиксаціи нѣжности на матери и представляютъ изъ себя одно изъ послѣдствій этой фиксаціи. Въ нормальной любовной жизни сохраняется мало чертъ, въ которыхъ несомнѣнно проявляется вліяніе материнскаго прообраза на вы-

боръ объекта, вродѣ напримѣръ, предпочтенія, оказываемаго молодыми людьми болѣе зрѣлымъ женщинамъ; отдѣленіе любовнаго влеченія (либидо) отъ матери произошло сравнительно скоро. У людей нашего типа, напротивъ, влеченіе къ матери сохранилось такъ долго и послѣ наступленія половой зрѣлости, что у выбранныхъ ими позже объектовъ любви имѣются ясно выраженные материнскіе признаки и въ нихъ легко узнать суррогаты матери. Здѣсь напрашивается сравненіе съ формаціей черепа новорожденнаго: послѣ длительныхъ родовъ черепъ новорожденнаго представляетъ изъ себя слѣпокъ тазовыхъ ходовъ матери.

На насъ лежитъ въ такомъ случаѣ обязанность доказать, что характерныя черты нашего типа, условія ихъ любви и ихъ поведеніе въ любви, дѣйствительно происходятъ отъ материнской констелляціи. Легче всего это сдѣлать въ отношеніе перваго условія — несвободы женщины или «пострадавшаго третьяго.» Безъ дальнѣйшаго очевидно, что у выросшаго въ семьѣ ребенка неотъемлемой частью материнскаго существа становится тотъ фактъ, что мать принадлежитъ отцу; и тѣмъ третьимъ является никто иной, такъ отецъ. Такъ же естественно подходитъ къ дѣтскимъ отношеніямъ черта переоцѣнки, благодаря которой возлюбленная является единственной, незамѣнимой: ибо никто не имѣетъ больше одной матери и отношеніе къ ней зиждется на не повторяющемся и не допускающемъ никакого сомнѣнія событіи (рожденіи).

Разъ всѣ объекты любви только суррогаты матери, то понятно и «образованіе ряда», которое кажется столь рѣзко противорѣчащимъ условію вѣрности. Психоанализъ показываетъ намъ и на другихъ примѣрахъ, что дѣйствующее въ безсознательномъ незамѣнимое, часто проявляется расчлененнымъ на безконечный рядъ — безконечный потому, что всякій суррогатъ все же не даетъ желаннаго удовлетворенія. Такъ, напримѣръ, у дѣтей въ извѣстномъ возрастѣ возникаетъ непреодолимое желаніе задавать все новые и новые вопросы, и это объясняется тѣмъ, что имъ надо поставить одинъ единственный вопросъ, который они не рѣшаются вымолвить. А болтливость нѣкоторыхъ невротически нездоровыхъ лицъ объ-

ясняется тяжестью тайны, которую имъ хочется разгласить и которую, несмотря на всѣ искушенія, они все же не выдаютъ.

Но причастность избраннаго объекта къ проституціи какъ будто рѣзко противорѣчитъ происхожденію изъ материнскаго комплекса. Сознательному мышленію взрослаго мать представляется личностью неприкосновенной нравственной чистоты и мало найдется внѣшнихъ впечатлѣній, которыя бы ощущались такъ мучительно, какъ сомнѣніе въ этомъ качествѣ матери. Но какъ разъ это рѣзкое противорѣчіе между «матерью» и «проституткой» должно побудить насъ изслѣдовать исторію развитія и безсознательное взаимоотношеніе этихъ двухъ комплексовъ, такъ какъ мы уже давно знаемъ, что въ безсознательномъ часто сливается воедино то, что въ сознаніи расщеплено на два противоположныхъ понятія. Изслѣдованіе возвращаетъ насъ къ періоду жизни, когда мальчикъ впервые узнаетъ подробности половыхъ отношеній между взрослыми — приблизительно, къ годамъ предшествующимъ половой зрѣлости. Грубые разсказы, съ явнымъ намѣреніемъ нанести оскорбленіе и вызвать возмущеніе, знакомятъ его съ тайной половой жизни и подрываютъ авторитетъ взрослыхъ, который оказывается несовмѣстимымъ съ обнаженіемъ ихъ половой жизни. Но вопросъ объ отношеніи этихъ откровеній къ родителямъ оказываетъ наибольшее впечатлѣніе на новопосвященнаго. Часто слушатель прямо протестуетъ, возражая, приблизительно, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: возможно, что твои родители или родители другихъ людей продѣлываютъ между собой нѣчто подобное, но что касается моихъ родителей, то это совершенно невозможно.

Одновременно мальчикъ, въ видѣ рѣдко недостающаго коррелата къ «ознакомленію съ половымъ вопросомъ» узнаетъ о существованіи извѣстнаго рода женщинъ, которыя по профессіи отдаются половой любви и поэтому всѣми презираются. Ему самому это презрѣніе остается чуждымъ; у него рождается къ этимъ несчастнымъ только смѣшанное чувство томленія и жути, такъ какъ онъ знаетъ, что и самъ можетъ быть ими пріобщенъ къ половой жизни, которую считалъ до сихъ поръ исключительнымъ преимуществомъ «большихъ». Когда онъ не

можетъ уже больше оставаться при своемъ сомнѣніи относительно того, что его родители должны составлять исключеніе изъ отвратительныхъ нормъ половой жизни, онъ говоритъ себѣ съ циничной откровенностью, что разница между его матерью и падшей женщиной не такъ ужъ велика, что, въ сущности, обѣ дѣлаютъ то же самое. «Просвѣщающіе» разсказы разбудили въ немъ слѣды воспоминаній его раннихъ дѣтскихъ впечатлѣній и желаній и оживили въ немъ связанныя съ ними душевныя движенія. Онъ начинаетъ желать свою мать въ этомъ новомъ указанномъ смыслѣ и снова начинаетъ ненавидѣть отца, какъ соперника, стоящаго на пути къ осуществленію этого желанія, онъ попадаетъ, какъ мы говоримъ, во власть «комплекса Эдипа». Онъ видитъ измѣну со стороны матери въ томъ, что она осчастливила своей любовью отца, а не его, и не можетъ ей этого простить. Эти душевныя движенія, если они быстро не проходятъ, ни въ чемъ реально не проявляются, а только изживаются въ фантазіяхъ, которыя имѣютъ своимъ содержаніемъ сексуальную жизнь матери при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ и напряженіе которыхъ особенно легко разрѣшается въ видѣ актовъ самоудовлетворенія. Вслѣдствіе постояннаго взаимодѣйствія обоихъ побудительныхъ мотивовъ этихъ душевныхъ движеній — полового желанія и жажды мести — наибольшимъ предпочтеніемъ пользуются мотивы невѣрности матери; любовникъ, съ которымъ мать измѣняетъ, обладаетъ почти всѣми чертами собственной персоны, вѣрнѣе, собствнной идеализированной личности, поднятой благодаря возмужалости до уровня отца. То, что я въ другомъ мѣстѣ описалъ, какъ «семейный романъ» составляетъ разнообразные продукты этой работы фантазіи и сплетеніе ихъ съ разными эгоистическими интересами того періода жизни. Познакомившись съ этой частью исторіи душевнаго развитія, мы уже не можемъ находить непонятное противорѣчіе въ томъ, что принадлежность возлюбленной къ проституціи обусловлена непосредственно вліяніемъ материнскаго комплекса. Описанный нами типъ мужской любовной жизни носитъ слѣды этого развитія и можетъ быть понятъ просто, какъ фиксація на фантазіяхъ мальчика въ періодъ половой зрѣлости, нашедшихъ

позже все же воплощеніе въ реальной жизни. Легко допустить, что усиленный онанизмъ въ годы переходнаго возраста также благопріятствуетъ фиксаціи этихъ фантазій.

Съ этими фантазіями, разросшимися до того, что получили власть надъ реальной любовной жизнью, тенденція *спасти* возлюбленную находится какъ-будто лишь въ отдаленной, поверхностной связи, исчерпываемой сознательными доводами. Возлюбленная подвергается молъ опасности изъ-за своей склонности къ непостоянству и невѣрности и вполнѣ понятно, что любящій старается уберечь ее отъ этой опасности, охраняя ея добродѣтель и противодѣйствуя ея дурнымъ наклонностямъ. Однако изученіе «покрывающихъ воспоминаній», фантазій и ночныхъ сновидѣній такихъ лицъ показываетъ, что здѣсь имѣетъ мѣсто прекрасно удавшаяся *«раціонализація»**) безсознательнаго мотива, которую можно уподобить хорошо удавшейся вторичной обработкѣ матеріала сновидѣній. Въ дѣйствительности *мотивъ спасенія* имѣетъ свое собственное значеніе и исторію и является самостоятельнымъ продуктомъ материнскаго, или вѣрнѣе, родительскаго комплекса. Когда ребенокъ слышитъ, что онъ *обязанъ жизнью* родителямъ, что мать *«даровала ему жизнь»*, то въ немъ соединяются нѣжныя чувства съ душевными движеніями, выражающими стремленіе быть большимъ и достичь самостоятельности и зарождаютъ въ немъ желаніе вернуть родителямъ этотъ даръ и отплатить имъ тѣмъ же. Будто бы непокорность мальчика хочетъ сказать: мнѣ ничего не надо отъ отца, я хочу вернуть ему все, что я ему стоилъ. Онъ рисуетъ себѣ фантазіи о *спасеніи отца отъ смертельной опасности* и расплачивается съ нимъ такимъ образомъ. Эта фантазія часто переносится на императора, короля или иную знатную особу и въ такомъ измѣненномъ видѣ становится доступной сознанію и даже годной для поэтической обработки. По отношенію къ отцу преобладаетъ злобный смыслъ фантазіи о спасеніи, а по адресу матери проявляется ея нѣжное значеніе. Мать подарила жизнь ребенку

---

*) Примѣчаніе: — разумная, логичная, сознательная мотивировка какого нибудь поступка или слова, въ дѣйствительности обусловленнаго какимъ-нибудь безсознательнымъ комплексомъ — переводчикъ.

и не легко возмѣстить столь своеобразный даръ чѣмъ-нибудь равноцѣннымъ. Но при незначительномъ измѣненіи значенія словъ — что такъ легко удается въ безсознательномъ и что можно уподобить сознательному сліянію понятій — спасти мать пріобрѣтаетъ значеніе: подарить или сдѣлать ей ребенка, разумѣется, вполнѣ похожаго на себя самого. Удаленіе отъ первоначальнаго смысла спасенія не очень велико, измѣненіе значенія словъ не произвольно. Мать подарила ему жизнь — его собственную — и за это ей дарится другая жизнь, жизнь ребенка, имѣющаго максимальное сходство съ его собственной особой. Сынъ проявляетъ свою благодарность тѣмъ, что желаетъ имѣть отъ матери сына, равнаго себѣ, т. е. въ фантазіи о спасеніи онъ совершенно отождествляетъ себя съ отцомъ. Всѣ влеченія — нѣжныя, благодарныя, похотливыя, непокорныя и самовластныя находятъ удовлетвореніе въ этомъ одномъ желаніи *быть своимъ собственнымъ отцомъ*. И моментъ опасности не исчезъ при такомъ измѣненіи значенія; самъ актъ рожденія представляетъ изъ себя опасность, изъ которой спасеніе приходитъ благодаря усиліямъ матери. Рожденіе является въ равной мѣрѣ первой жизненной опасностью, какъ и прообразомъ всѣхъ послѣдующихъ, внушающихъ намъ страхъ, и переживанія рожденія оставляютъ намъ, вѣроятно, то аффективное выраженіе, которое мы называемъ страхомъ. *Макдуфъ* изъ шотландской легенды, который не былъ рожденъ матерью, а вырѣзанъ изъ утробы ея, не зналъ поэтому и страха.

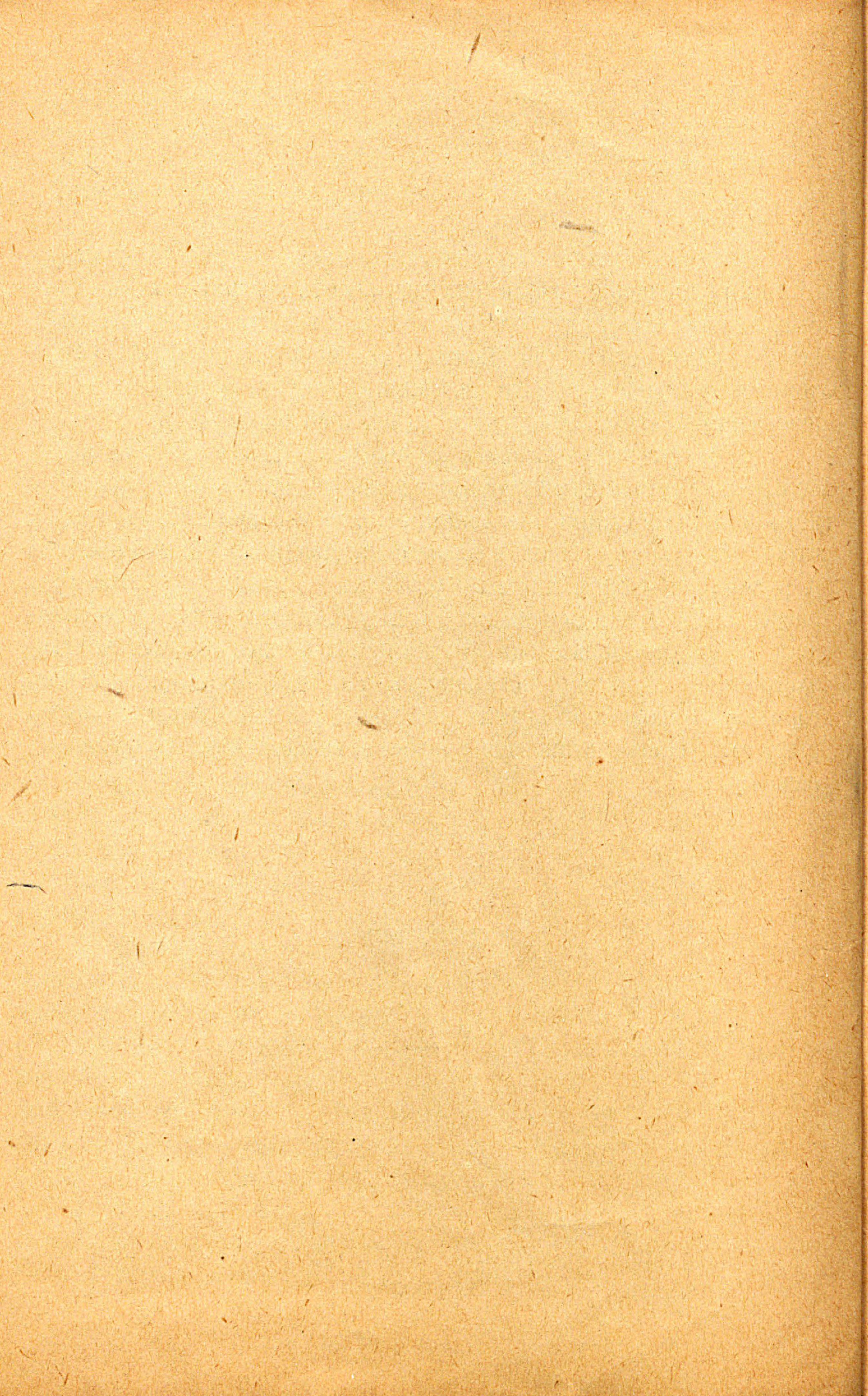
Старый снотолкователь *Артемидъ* былъ, несомнѣнно, правъ, утверждая, что сновидѣніе мѣняетъ свой смыслъ въ зависимости отъ личности сновидца. По законамъ выраженія безсознательныхъ мыслей «Спасеніе» можетъ имѣть различное значеніе въ зависимости отъ того фантазируетъ ли о немъ женщина или мужчина. Оно можетъ въ равной мѣрѣ имѣть значеніе: сдѣлать ребенка=дать начало рожденію (для мужчины), какъ и: самой родить ребенка (для женщины).

Особенно въ связи съ водой можно ясно видѣть эти различныя значенія спасенія въ сновидѣніяхъ и фантазіяхъ. Если мужчина спасаетъ во снѣ женщину, то это значитъ:

онъ дѣлаетъ ее матерью, — что, согласно вышеизложеннаго, соотвѣтствуетъ смыслу: онъ ее дѣлаетъ своей матерью. Когда женщина спасаетъ кого-нибудь (ребенка) изъ воды, то этимъ она признаетъ себя, подобно царевнѣ въ легендѣ о Мойсеѣ, его матерью, родившей его.

Иногда фантазія о спасеніи отца также получаетъ смыслъ нѣжнаго отношенія. Тогда она выражаетъ желаніе имѣть отца сыномъ, то есть, имѣть такого сына, какъ отецъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ отношеній мотива спасенія къ родительскому комплексу, тенденція спасать возлюбленную составляетъ существенную черту описаннаго здѣсь любовнаго типа.

Я не считаю нужнымъ приводить доказательства правильности метода моей работы, которая въ данномъ случаѣ, какъ и при описаніи *анальной эротики* стремится къ тому, чтобъ сначала выдѣлить изъ всего матеріала наблюденія крайне и рѣзко очерченные типы. Въ обоихъ случаяхъ имѣется гораздо большее число индивидовъ, у которыхъ можно наблюдать лишь отдѣльныя или только не рѣзко выраженныя черты этого типа. И само собою разумѣется, что только изложеніе въ общей связи всѣхъ тѣхъ наблюденій, на основаніи которыхъ эти типы установлены, даетъ возможность правильной ихъ оцѣнки.

II.

ОБЪ ОБЩЕМЪ ПОНИЖЕНІИ ЛЮБОВНОЙ ЖИЗНИ.*)

Если практикующій врачъ психоаналитикъ ставитъ себѣ вопросъ: по поводу какого страданія къ нему чаще всего обращаются за помощью, то онъ долженъ будетъ отвѣтить: из-за психической импотенціи — если не считать многообразныхъ проявленій страха. Этой странной болѣзнью заболѣваютъ мужчины съ сильной чувственностью и выражается она въ томъ, что соотвѣтствующіе органы отказываются выполнить свою функцію полового акта, хотя до и послѣ него они могутъ быть вполнѣ здоровыми и дѣеспособными и хотя у даннаго субъекта имѣется большая психическая склонность къ выполненію этого акта. Первый поводъ къ пониманію своего состоянія у больного является тогда, когда онъ убѣждается на фактахъ, что такія неудачи постигаютъ его только при попыткахъ съ извѣстными опредѣленными особами, между тѣмъ какъ съ другими ничего подобнаго не бываетъ. Онъ узнаетъ тогда, что особенныя свойства сексуальнаго объекта вызываютъ задержку его мужкой потенціи. Иной разъ такой больной самъ разсказываетъ, что у него получается ощущеніе какого-то препятствія въ немъ самомъ, что онъ замѣчаетъ какое-то внутреннее противодѣйствіе, которое успѣшно мѣшаетъ сознательному намѣренію. Но онъ не можетъ понять въ чемъ состоитъ это препятствіе и какія именно особенности полового объекта вызываютъ его. Если онъ неоднократно испытывалъ подобныя неудачи, то у него является склонность установить невѣрную причинную связь и полагать, что воспоминаніе о первомъ случаѣ является такимъ препятствующимъ

---

*) Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschung Bd. III.

и отпугивающимъ представленіемъ и становится причиной послѣдующихъ недуачъ; а первый случай онъ объясняетъ «случайнымъ» впечатлѣніемъ.

Психоаналитическое изслѣдованіе психической импотенціи произведено и опубликовано нѣсколькими авторами. Каждый аналитикъ можетъ изъ собственнаго опыта подтвердить приводимыя ими объясненія. Рѣчь дѣйствительно идетъ о парализующемъ вліяніи извѣстныхъ психическихъ комплексовъ, которые недоступны сознанію индивида. Въ качествѣ самаго общаго содержанія этого патогеннаго матеріала находится на первомъ планѣ сохранившая свою силу и вліяніе инцестуозная (кровосмѣстительная) фиксація либидо*) на матери и сестрѣ. Кромѣ того, нужно принять во вниманіе вліяніе случайныхъ мучительныхъ впечатлѣній, находящихся въ связи съ дѣтскими сексуальными проявленіями, и вообще всѣ моменты, понижающіе либидо, которое должно быть направлено на женскій половой объектъ.

Если подвергнуть случаи рѣзкой психической импотенціи детальному изслѣдованію посредствомъ психоанализа, то получается слѣдующая картина дѣйствующихъ при ней психосексуальныхъ процессовъ. Почвой болѣзни служитъ и здѣсь, какъ, вѣроятно, при всѣхъ невротическихъ страданіяхъ—задержка въ развитіи либидо до ея нормальной окончательной формы. Здѣсь не слились два теченія, сліяніе которыхъ лишь обезпечиваетъ вполнѣ нормальную любовную жизнь, — два теченія, которыя мы можемъ различать какъ *нѣжное и чувственное.*

Изъ этихъ двухъ теченій болѣе старое — нѣжное. Оно беретъ начало съ самыхъ раннихъ лѣтъ, образовалось на почвѣ интересовъ инстинктовъ самосохраненія и направлено на лицъ родной семьи или занятыхъ уходомъ и воспитаніемъ. Къ нему съ самаго начала присоединяется извѣстная доля

---

*) Понятіе „Libido“ Freud опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: По аналогіи съ „*голодомъ*“ „*Libido*“ должно обозначать ту силу, съ которой проявляется влеченіе — въ данномъ случаѣ половое влеченіе, какъ при голодѣ влеченіе къ принятію пищи. („Ernährungstrieb“). См. Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse стр. 357. Прмѣч. переводчика.

половыхъ влеченій, компонентовъ эротическаго интереса, которые уже съ дѣтства, болѣе или менѣе ясно, выражены, а у невротиковъ во всѣхъ случаяхъ открываются психоанализомъ, произведеннымъ въ болѣе позднемъ возрастѣ. Оно соотвѣтствуетъ *первичному дѣтскому выбору объекта* (primäre kindliche Objektwahl). Изъ него мы видимъ, что половыя влеченія (Sexsualtriebe) находятъ своихъ первыхъ объектовъ въ связи съ оцѣнкой, исходящей изъ влеченія **я** (Ichtriebe) точно такъ же, какъ первыя сексуальныя удовлетворенія получаются въ связи съ функціями, необходимыми для сохраненія жизни. «Нѣжность» родителей и воспитателей, которая рѣдко не обнаруживаетъ явнаго эротическаго характера («ребенокъ—эротическая игрушка») способствуетъ много тому, чтобы увеличить эти «придатки» эротики къ объектамъ фиксаціи влеченій *я* (Ichtriebe) и поднять ихъ на такую высоту, что они должны оказать вліяніе на послѣдующее развитіе, въ особенности, если этому способствуютъ еще и другія извѣстныя обстоятельства.

Нѣжныя фиксаціи ребенка сохраняются въ теченіе всего дѣтства и получаютъ все новые притоки эротики, которая, благодаря этому, отклоняется отъ своихъ половыхъ цѣлей. Въ возрастѣ половой зрѣлости (Pubärtet) присоединяется еще «чувственное» теченіе, которое ясно сознаетъ свои цѣли. Оно очевидно всегда направляется прежними путями и снабжаетъ гораздо большимъ количествомъ либидо объекты перваго инфантильнаго выбора. Но такъ какъ оно тамъ натыкается на воздвигнутыя между тѣмъ препятствія кровосмѣстительнаго ограниченія (Inzestschranke), то оно проявляетъ стремленіе найти возможно скорѣй переходъ отъ этихъ реально не подходящихъ объектовъ къ другимъ, чужимъ, съ которыми возможно реальное половое сожительство. Эти чужіе объекты избираются все еще по образцу инфантильныхъ, но со временемъ они привлекаютъ къ себѣ ту нѣжность, которая была фиксирована на прежнихъ. Мужчина оставляетъ отца и мать — по предписанію библіи — чтобъ остаться при женѣ, нѣжность и чувственность сливаются тогда воедино. Высшая степень чувственной влюбленности связана съ наибольшей

психической оцѣнкой. (Нормальная переоцѣнка полового объкта мужчиной).

Два момента имѣютъ рѣшающее значеніе при неудачѣ этого процесса развитія либидо. Во первыхъ, степень *реальнаго запрета*, который не допускаетъ новаго выбора объекта и обезцѣниваетъ его для индивида. Не имѣетъ вѣдь смысла заниматься выборомъ объекта, если вообще запрещено выбирать, или нѣтъ никакихъ надеждъ выбирать что-нибудь достойное. Во вторыхъ, степень *привлекательности*, которою могутъ обладать тѣ инфатильные объекты, отъ которыхъ слѣдуетъ уйти; она пропорціональна эротической фиксаціи, которой они были надѣлены еще въ дѣтствѣ. Если эти два фактора достаточно сильны, то начинаетъ дѣйствовать общій механизмъ образованія неврозовъ. либидо отвращается отъ реальности, подхватывается работой фантазіи (Introversion), усиливаетъ образы первыхъ дѣтскихъ объектовъ, фиксируется на нихъ. Но кровосмѣсительное ограниченіе заставляетъ обращенное на эти объекты либидо оставаться въ безсознательномъ. Изживаніе кроющагося теперь въ безсознательномъ чувственнаго теченія въ онанистическихъ актахъ способствуетъ тому, чтобъ укрѣпить эти фиксаціи. Положеніе дѣла не мѣняется и тогда, когда прогрессъ, неудавшійся въ реальности, совершается въ фантазіи, т. е. когда въ фантастическихъ ситуаціяхъ, ведущихъ къ онанистическому удовлетворенію, первоначальные половые объекты замѣняются чужими. Благодаря такому замѣщенію, фантазіи дѣлаются способными проникнуть въ сознаніе, но въ реальномъ либидо нѣтъ никакого прогресса.

Такимъ образомъ можетъ случиться, что вся чувственность молодого человѣка окажется привязанной въ безсознательномъ къ инцестуознымъ объектамъ или, какъ мы еще иначе формулируемъ, — она фиксирована на безсознательныхъ инцестуозныхъ фантазіяхъ. Въ результатѣ получается абсолютная импотенція, которая къ тому же еще укрѣпляется, благодаря одновременно пріобрѣтенному дѣйствительному ослабленію органовъ, выполняющихъ половой актъ.

Для образованія собственно такъ называемой психической импотенціи требуются болѣе мягкія условія. Чувственное те-

ченіе не должно во всемъ объемѣ подвергнуться участи быть вынужденнымъ скрываться за нѣжнымъ теченіемъ, оно должно въ достаточной мѣрѣ быть сильнымъ и свободнымъ отъ задержекъ, чтобъ хоть отчасти пробить себѣ путь къ реальности. Половая активность такихъ лицъ носитъ на себѣ явные признаки того, что руководящіе ею психическіе импульсы дѣйствуютъ не во всемъ объемѣ. Она капризна, подвержена легко нарушеніямъ, функціонируетъ часто неправильно, доставляетъ мало удовольствія. Но главнымъ образомъ она избѣгаетъ сліянія съ нѣжнымъ теченіемъ. Такимъ образомъ создается ограниченіе въ выборѣ объектовъ. Оставшееся активнымъ чувственное теченіе ищетъ только такихъ объектовъ, которые не напоминаютъ запретныхъ инцестуозныхъ лицъ; если отъ какого нибудь лица исходитъ впечатлѣніе, которое можетъ вызвать высокую психическую оцѣнку, то оно влечетъ за собой не чувственно возбужденіе, а эротически недѣйствительную нѣжность. Любовная жизнь такихъ людей остается расщепленной въ двухъ направленіяхъ, олицетворенныхъ въ искусствѣ какъ небесная и земная (животная) любовь. Когда они любятъ, они не желаютъ обладанія, а когда желаютъ, не могутъ любить. Они ищутъ объектовъ, которыхъ имъ не нужно любить, чтобъ держать чувственность вдали отъ любимыхъ объектовъ, и странная несостоятельность въ формѣ психической импотенціи наступаетъ, — согласно законовъ «чувствительность комплекса» (Komplexempfindlichkeit) и «возвращенія вытѣсненнаго» (Rückkehr des Verdrängten) — тогда, когда иной разъ какая-нибудь незначительная черта лица избраннаго во избѣжаніе инцеста объекта напоминаетъ того объекта, котораго нужно избѣжать.

Главнымъ средствомъ противъ такого нарушенія, которымъ пользуются люди съ расщепленнымъ любовнымъ чувствомъ, является психическое *униженіе* полового объекта, въ то время какъ переоцѣнка, присущая при нормальныхъ условіяхъ половому объекту, сохраняется для инцестуознаго объекта и его замѣстителей. Какъ только выполнено условіе униженія, чувственность можетъ свободно проявляться, возможны значительныя проявленія половой активности и сильное чувство-

наслажденія. Еще другое совпаденіе благопріятствуетъ этому. Лица, у которыхъ нѣжное и чувственное теченіе недостаточно слились, обладаютъ большей частью не достаточно тонкимъ любовнымъ чувствомъ; у нихъ сохранились половыя ненормальности, неудовлетвореніе которыхъ ощущается, какъ чувствительное пониженіе удовольствія, а удовлетвореніе возможно лишь съ приниженными, мало оцѣниваемыми половыми объектами.

Понятны теперь мотивы упомянутыхъ въ первомъ очеркѣ фантазій мальчика, который принижаетъ мать до степени проститутки. Въ нихъ проявляются старанія перекинуть мостъ, хотя бы въ фантазіи, черезъ пропасть, раздѣляющую эти два теченія любовной жизни, завладѣть матерью, какъ объектомъ чувственнаго влеченія, цѣною ея униженія.

II.

До сихъ поръ мы занимались врачебно-психологическимъ изслѣдованіемъ психической импотенціи, не находящимъ себѣ оправданія въ заглавіи этой статьи. Но ниже видно будетъ, что намъ нужно было начать съ этого вступленія, чтобъ имѣть возможность приступить къ нашей настоящей темѣ.

Психическую импотенцію мы свели къ несліянію нѣжнаго и чувственнаго теченія въ любовной жизни; а указанную задержку развитія объяснили вліяніемъ сильныхъ дѣтскихъ фиксацій и болѣе позднимъ запретомъ, при промежуточномъ возникновеніи инцестуознаго запрета. Противъ этого ученія можно первымъ дѣломъ выдвинуть слѣдующее возраженіе: оно даетъ намъ слишкомъ много; оно намъ объясняетъ почему нѣкоторыя лица страдаютъ психической импотенціей, но для насъ остается загадочнымъ то обстоятельство, что другія лица смогли избѣжать этого страданія. Такъ какъ приходится сознаться, что всѣ указанные видимые моменты — какъ-то: сильная дѣтская фиксація, кровосмѣсительный запретъ и запретъ въ болѣе поздніе годы развитія послѣ наступленія половой зрѣлости — имѣются почти у всѣхъ культурныхъ людей, то было бы вполнѣ правильно полагать,

что психическая импотенція является общимъ страданіемъ культурнаго человѣчества, а не болѣзнью отдѣльныхъ лицъ.

Если понятіе о психической импотенціи брать шире и не ограничивать только невозможностью полового акта при наличности полового желанія и физически здороваго полового аппарата, то сперва приходится причислить сюда всѣхъ тѣхъ мужчинъ, которыхъ называютъ психастевниками, которымъ актъ всегда удается, но не доставляетъ особаго наслажденія; это бываетъ чаще, чѣмъ думаютъ. Психооналитическое изслѣдованіе такихъ случаевъ открываетъ тѣ же этіологическіе моменты, что и при психической импотенціи въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, не объясняя сначала разницы въ симптоматологіи. Отъ анэстетичныхъ (лишенныхъ чувственности) мужчинъ легко оправдываемая аналогія ведетъ къ громадному числу фригидныхъ*) женщинъ, отношеніе которыхъ къ половой любви нельзя лучше описать и понять, какъ указаніемъ на полное его сходство съ болѣе извѣстной психической импотенціей мужчинъ**).

Но если мы не станемъ расширять понятіе о психической импотенціи, а будемъ присматриваться къ оттѣнкамъ ея симптоматологіи, то мы не сможемъ не согласиться съ тѣмъ, что любовныя проявленія мужчины въ нашемъ современномъ культурномъ мірѣ носятъ вообще типичные признаки психической импотенціи. Нѣжное и чувственное теченіе лишь у очень немногихъ интеллигентныхъ мужчинъ въ достаточной степени спаяны; почти всегда мужчина чувствуетъ себя въ проявленіяхъ своей половой жизни стѣсненнымъ изъ чувства уваженія къ женщинѣ и проявляетъ свою полную потенцію только тогда, когда имѣетъ дѣло съ болѣе низкимъ половымъ объектомъ. Это послѣднее обстоятельство обусловлено въ свою очередь тѣмъ, что въ его половыя стремленія привходятъ компоненты извращенности, которые онъ не осмѣливается удовлетворять съ уважаемой женщиной. Полное половое удовольствіе онъ испытываетъ лишь тогда, когда можетъ безудержно

---

*) Холодныхъ, лишенныхъ чувственности.

**) При чемъ охотно допускаю, что фригидность женщины — болѣе сложный вопросъ, разсматривать который можно еще и съ другой точки зрѣнія.

отдаваться наслажденію, чего онъ, напримѣръ, не смѣетъ сдѣлать со своей высоконравственной супругой. Отъ этого проистекаетъ его потребность въ униженномъ половомъ объектѣ, въ женщинѣ этически малоцѣнной, у которой онъ не допускаетъ эстетическихъ требованій, которая не знаетъ его въ другихъ его жизненныхъ отношеніяхъ и не можетъ о нихъ судить. Такой женщинѣ онъ охотнѣе всего отдаетъ свою половую силу, даже если его нѣжность принадлежитъ болѣе высоко стоящей. Возможно, что такъ часто наблюдаемая склонность мужчинъ высшихъ общественныхъ классовъ избирать себѣ въ качествѣ постоянной любовницы или даже законной супруги женщину низкаго сословія является лишь слѣдствіемъ потребности въ униженномъ половомъ объектѣ, съ которымъ психологически связана возможность полнаго удовлетворенія.

Я не колеблюсь сдѣлать два момента, дѣйствительныхъ при настоящей психической импотенціи — интенсивную инцестуозную фиксацію дѣтскаго возраста и реальный запретъ въ юношескомъ возрастѣ — отвѣтственными также и за это столь частое поведеніе культурныхъ мужчинъ въ ихъ любовной жизни. Хоть это и звучитъ непріятно и парадоксально, но должно быть сказано, что кто хочетъ быть въ любовной жизни свободнымъ и счастливымъ, тотъ долженъ преодолѣть респектъ передъ женщиной и примириться съ представленіемъ о кровосмѣстительствѣ съ матерью или сестрой. Кто готовъ въ отвѣтъ на это требованіе подвергнуть себя серьезной внутренней провѣркѣ передъ самымъ собой, тотъ несомнѣнно найдетъ, что считаетъ половой актъ въ сущности чѣмъ-то унизительнымъ, что грязнитъ и позоритъ не только телѣсно. Происхожденіе этой оцѣнки, въ которой онъ навѣрное не сознается охотно, онъ сможетъ найти только въ періодѣ юности своей, когда его чувственное теченіе уже было сильно развито, а удовлетвореніе было почти въ равной мѣрѣ запрещено какъ по отношенію къ чужому, такъ и инцестуозному объекту.

Женщины находятся въ нашемъ культурномъ мірѣ подъ такимъ же вліяніемъ воспитанія, но кромѣ того еще и подъ вліяніемъ поведенія мужчинъ. Для нихъ, разумѣется, въ равной мѣрѣ плохо, когда онѣ не находятъ въ мужчинѣ его пол-

ной мужской силы, какъ и тогда когда повышенная вначалѣ оцѣнка ихъ въ періодѣ влюбленности смѣняется послѣ обладанія пренебреженіемъ У женщины мало наблюдается потребность въ униженіи полового объекта; въ связи съ этимъ находится, несомнѣнно, и то обстоятельство, что обычно женщина не проявляетъ ничего похожаго на половую переоцѣнку у мужчины. Но длительное половое воздержаніе и удержаніе чувственности въ области фантазіи имѣютъ для нея другое важное послѣдствіе. Она впослѣдствіи не можетъ уже расторгнуть связь между чувственными переживаніями и запретомъ и оказывается психически импотентной, т. е фригидной, когда подобнаго рода переживанія ей, наконецъ, разрѣшаются. Поэтому у многихъ женщинъ является стремленіе сохранить еще нѣкоторое время тайну даже тогда, когда сношенія уже разрѣшаются; у другихъ появляется способность нормально чувствовать, какъ только условіе запрета опять осуществляется въ какой-либо тайной любовной связи. Измѣняя мужу, онѣ въ состояніи сохранять любовную вѣрность второго разряда.

Я полагаю, что условіе запрета имѣетъ въ любовной жизни женщины то же значеніе, что униженіе полового объекта у мужчины. Оба являются слѣдствіемъ длительнаго откладыванія начала половой жизни послѣ наступленія половой зрѣлости, какъ того требуетъ воспитаніе ради культурныхъ цѣлей. Оба стремятся прекратить психическую импотенцію, которая является слѣдстіемъ несліяпія чувственнаго и нѣжнаго теченія. Если слѣдствія одной и той же причины оказываюся различными у мужчины и у женщины, то причиной этому является, быть можетъ, другая разница въ поведеніи обоихъ половъ. Культурная женщина обыкновенно не нарушаетъ запрета въ теченіе періода ожиданія и такимъ образомъ у нея создается тѣсная связь между запретомъ и сексуальностью. Мужчина нарушаетъ большей частью запретъ подъ условіемъ униженія полового объекта и поэтому это условіе переносится и въ его послѣдующую любовную жизнь

Въ виду столь сильно назрѣвшаго въ современномъ культурномъ мірѣ сремленія къ реформѣ половой жизни, не лишнее напомнить, что психоаналитическому изслѣдованію въ

такой же мѣрѣ чужды какія бы то ни было тенденціи, какъ и всякому другому. Оно стремится лишь къ тому, чтобъ вскрыть связи и зависимости, находя въ скрытомъ причину общеизвѣстнаго. Оно ничего не можетъ имѣть противъ того, чтобъ были использованы его выводы при проведеніи реформы для созданія полезнаго вмѣсто вреднаго. Но оно не можетъ напередъ сказать, не будутъ ли иныя установленія имѣть слѣдствіемъ иныя, болѣе тяжелыя жертвы.

III.

Тотъ фактъ что культурное обузданіе любовной жизни влечетъ за собой общее униженіе полового объекта, долженъ насъ побудить перенести свое вниманіе съ объектовъ на самыя влеченія. Вредъ начальнаго запрета сексуальнаго наслажденія сказывается въ томъ, что позднѣйшее разрѣшеніе его въ бракѣ не даетъ уже полнаго удовлетворенія. Но и неограниченная половая свобода съ самаго начала не приводитъ къ лучшимъ результатамъ. Легко доказать, что психическая цѣнность любовной потребности сейчасъ же понижается, какъ только удовлетвореніе становится слишкомъ доступнымъ. Чтобъ увеличить возбужденіе либидо необходимо препятствіе; и тамъ, гдѣ естественныя сопротивленія удовлетворенію оказываются недостаточными, тамъ люди всѣхъ временъ создавали условныя препятствія, чтобъ быть въ состояніи наслаждаться любовью. Это относится какъ къ отдѣльнымъ индивидамъ, такъ и къ народамъ. Во времена, когда удовлетвореніе любви не встрѣчало затрудненій, какъ напримѣръ, въ періодъ паденія античной культуры, любовь была обезцѣнена, жизнь пуста. Нужны были сильныя «реактивныя оабазованія» (Reaktionsbildungen), чтобъ вновь создать необходимыя аффективныя цѣнности. Все изложенное даетъ основаніе утверждаоь, что аскетическія теченія христіанства дали любви психическую цѣнность, которой ей никогда не могла дать языческая древность. Наивысшаго значенія любовь достигла у аскетическихъ монаховъ, всю жизнь которыхъ наполняла почти исключительно борьба съ либидинозными искушеніями

Раньше всего напрашивается объясненіе встрѣчающихся въ этой области трудностей и неясностей, разумѣется, общими свойствами нашихъ органическихъ влеченій Въ общемъ, несомнѣнно, вполнѣ правильно, что психическое значеніе влеченія повышается съ отказомъ отъ его удовлетворенія. Стоитъ только попробовать подвергнуть равномѣрному голоданію группу самыхъ разнообразныхъ людей. Съ возрастаніемъ властной потребности въ пищѣ сглаживаются всѣ индивидуальныя разницы и вмѣсто нихъ наступаютъ однообразныя проявленія единаго неудовлетвореннаго влеченія. Но вѣрно-ли, что съ удовлетвореніемъ влеченія такъ ужъ очень понижается его психическая цѣнность? Стоитъ вспомнить, напримѣръ, отношеніе алкоголика къ вину. Развѣ не вѣрно, что вино даетъ алкоголику всегда одно и то же токсическое удовлетвореніе, которое такъ часто сравнивали въ поэзіи съ эротическимъ, и которое можно сравнить съ послѣднимъ также и съ точки зрѣнія научнаго пониманія? Слышно ли было когда-либо, чтобъ пьяница вынужденъ былъ постоянно мѣнять напитки, потому что неизмѣнно одинъ и тотъ же напитокъ теряетъ для него свой вкусъ? Напротивъ, привычка все больше и больше укрѣпляетъ связь между человѣкомъ и его излюбленнымъ сортомъ вина Извѣстно-ли кому-либо, чтобъ у пьяницы появилась потребность отправится въ страну, гдѣ вино дорого или употребленіе его запрещено, чтобъ пьяница старался возбудить свое понижающееся удовлетвореніе, воздвигая ему подобныя затрудненія? Ничего подобнаго. То что говорятъ наши великіе алкоголики, напр. Б. Беклинъ о своемъ отношеніи къ вину, звучитъ какъ чистѣйшая гармонія, какъ образецъ счастливаго брака*) Почему же отношеніе любящаго къ своему сексуальному объекту совсѣмъ иное?

Я думаю, что слѣдовало бы — какъ это странно ни звучитъ — допустить возможность существованія въ самой природѣ сексуальнаго влеченія чего-то, что не благопріятствуетъ наступленію полнаго удовлетворенія. Изъ длительной и трудной исторіи развитія этого влеченія тотчасъ выдѣляются

*) G. Floerke: Zehn Jahre mit Böcklin II. Auflage 1902.

два момента, которые можно сдѣлать отвѣтственными за эту трудность. Во первыхъ, вслѣдствіе двукратной попытки выбора объекта съ промежуточнымъ возникновеніемъ инцестуознаго запрета, окончательный объектъ полового влеченія никогда не совпадаетъ съ первоначальнымъ, а является лишь его суррогатомъ. А психоанализъ научилъ насъ: если первоначальный объектъ какого-нибудь желанія утерянъ вслѣдствіе вытѣсненія, то онъ часто замѣняется безконечнымъ рядомъ замѣнющихъ объектовъ, изъ которыхъ ни одинъ не удовлетворяетъ вполнѣ. Это можетъ намъ объяснить то непостоянство въ выборѣ объекта и ту неутомилость, которыми такъ часто отличается любовная жизнь взрослаго.

Во вторыхъ, мы знаемъ, что половое влеченіе распадается на большое число компонентовъ — вѣрнѣе происходитъ изъ нихъ. Изъ этихъ компонентовъ не всѣ могутъ войти въ составъ его позднѣйшаго формированія, а должны быть раньше подавлены или найти другое примѣненіе. Раньше всего къ нимъ относятся копрофильныя части влеченія, которыя оказались несовмѣстимыми съ нашей эстетической культурой, вѣроятно, съ тѣхъ поръ, какъ мы, благодаря вертикальному положенію тѣла при ходьбѣ, удалили нашъ органъ обонянія отъ поверхности земли. Далѣе, той же участи должна подвергнуться значительная часть садистическихъ импульсовъ, которые также относятся къ числу проявленій любовной жизни. Но всѣ эти процессы развитія захватываютъ только верхніе слои сложной структуры. Основные процессы, вызывающіе любовное возбужденіе остаются нетронутыми. Экскрементальное слишкомъ тѣсно и неразрывно связано съ сексуальнымъ, положеніе гениталій — inter urinas et faeces — остается предопредѣляющимъ и неизмѣннымъ моментомъ. Здѣсь можно было бы варьируя повторить извѣстное изрѣченіе великаго Наполеона: анатомія рѣшаетъ судьбу. Гениталіи не продѣлали вмѣстѣ со всѣмъ человѣческимъ тѣломъ развитія въ сторону эстетическаго совершенствованія, они остались животными и поэтому и любовь въ основѣ своей и теперь столь же животна, какой она было испоконъ вѣку. Любовныя влеченія трудно поддаются воспитанію, ихъ воспитаніе даетъ то слишкомъ много, то

слишкомъ мало. То, что культура стремится изъ нихъ сдѣлать недостижимо; остающіяся, не нашедшія примѣненія возбужденія даютъ себя знать при активныхъ половыхъ проявленіяхъ въ видѣ неудовлетворенности.

Такимъ образомъ приходится, быть можетъ, примириться съ мыслью, что равновѣсіе между притязаніями полового влеченія и требованіями культуры вообще невозможно, что не могутъ быть устранены лишенія отказа и страданія, какъ и вообще опасность прекращенія въ далекомъ будущемъ человѣческаго рода, вслѣдствіе его культурнаго развитія. Хотя этотъ мрачный прогнозъ основанъ на томъ лишь единственномъ предположеніи, что культурная неудовлетворенность является необходимымъ слѣдствіемъ извѣстныхъ особенностей, пріобрѣтенныхъ половымъ влеченіемъ подъ давленіемъ культуры. Но именно эта неспособность полового влеченія давать полное удовлетвореніе, какъ только это влеченіе подчинилось первымъ требованіямъ культуры, становится источникомъ величайшихъ культурныхъ достиженій, осуществляемыхъ благодаря все дальше идущему сублимированію компонентовъ этого влеченія. Ибо какіе мотивы могли бы побудить людей давать другое примѣненіе сексуальнымъ импульсамъ, если бы при какомъ-либо распредѣленіи послѣднихъ они могли бы получать полное удовлетвореніе счастья? Они бы не отставали отъ этого счастья и не дѣлали бы дальнѣйшихъ успѣховъ. Такимъ образомъ, кажется, что благодаря непримиримому разладу между требованіями обоихъ влеченій—сексуальныхъ и эгоистическихъ — люди становятся способными на все высшія достиженія, постоянно хотя подвергаясь опасности, которой наиболѣе слабые въ настоящее время подвергаются въ формѣ нервоза.

Наука не имѣетъ намѣренія ни пугать, ни утѣшать. Но я самъ готовъ допустить, что столь общія заключенія, какъ вышеприведенное, должны быть построены на болѣе широкомъ основаніи и что, можетъ быть, иныя направленія развитія человѣчества могутъ исправить указанные здѣсь результаты одного интересующаго насъ направленія

